

ГЛАВА 11

Новая глава в романе похожа на новую сцену в пьесе. И когда, читатель, я подниму занавес на этот раз, вы должны вообразить, будто видите залу в гостинице «Георг» в Милкоте: именно такие обои с крупным узором, какими оклеивают стены в гостиницах, именно такой ковер, такая мебель, такие безделушки на каминной полке, такие олеографии, включая портрет Георга Третьего и портрет принца Уэльского и картину, изображающую гибель генерала Вулфа в битве при Квебеке. Все это вы зрите при свете свисающей с потолка масляной лампы, к которому добавляется свет огня, буйно пылающего в камине, возле которого сижу я в накидке и шляпке. Мои муфточка и зонтик лежат на столике, а я согреваюсь после того, как шестнадцать часов коченела в сырости октябрьского дня. Из Лоутона я уехала в четыре часа пополуночи, а часы здесь как раз отбивают восемь часов вечера.

Читатель, хотя можно подумать, что я с приятностью отдыхаю, на душе у меня тревожно. Когда дилижанс остановился тут, я полагала, что меня встретят. Когда я спускалась по ступенькам деревянной лесенки, которую

коридорный поставил под дверцей для моего удобства, то обеспокоенным взглядом обводила все вокруг, надеясь вот-вот услышать свое имя и увидеть экипаж, который отвезет меня в Тернфилд. Но я ничего не увидела, а когда осведомилась у полового, не спрашивал ли кто-нибудь мисс Эйр, то услышала отрицательный ответ, так что остался лишь один выход: попросить, чтобы меня проводили в отдельный кабинет, где теперь я и томилась в ожидании, пока всяческие сомнения и опасения смущали мой ум.

Какое это странное чувство, когда неопытная девушка вдруг понимает, что она совсем одна, что все связи обрублены и она не знает, удастся ли ей добраться до гавани, куда она направляется, возвратиться же назад ей мешают непреодолимые препятствия. Обаяние приключений подслащивает это чувство, жар гордости согревает его, но затем оно вытесняется страхом, и именно страх возобладал над всем в моей душе, когда миновало полчаса, а я все еще была одна. И я позвонила.

— В окрестностях тут есть поместье Тернфилд? — спросила я у полового, явившегося на мой зов.

— Тернфилд? Не знаю, сударыня. Пойду спрошу в буфете.

Он исчез, однако вернулся очень скоро.

— Ваша фамилия Эйр, мисс?

— Да.

— Так вас спрашивают.

Я вскочила, схватила со столика муфточку с зонтиком и поспешила по коридору к входной двери. Она была полукрыта, рядом с ней стоял какой-то мужчина, а снаружи в свете уличных фонарей я разглядела одноконный экипаж.

— Думается, это ваш? — увидев меня, без предисловий спросил мужчина и кивнул на мой сундучок у стены коридора.

— Да.

Он взгромоздил его на запятки экипажа, похожего на маленькую карету. Я села и, прежде чем он захлопнул дверцу, только-только успела спросить, далеко ли до Тернфилда.

— Миль шесть будет.

— А долго туда ехать?

— Да часа полтора.

Он запер дверцу, взгромоздился на козлы, и мы тронулись. Ехали мы медленно, и у меня хватило времени для раздумий. Я радовалась, что мое путешествие близится к концу, и, откинувшись на сиденье удобного, хотя и не шегольского экипажа, безмятежно предалась своим мыслям.

«Полагаю, — думала я, — что миссис Фэрфакс, судя по экипажу и слуге, не из тех, кто гоняется за модой. Тем лучше. В доме, поставленном на светскую ногу, мне довелось жить лишь в детстве, и я была там очень несчастна. Возможно, она живет одна, если не считать маленькой девочки, а в таком случае, если ей хоть немного присуща благожелательность, я, конечно, сумею с ней поладить — во всяком случае приложу все силы. Как жаль, что подобные усилия не всегда приводят к успеху! В Ловуде я приняла такое решение, усердно его выполняла, и мне удалось заслужить общее расположение. Но я помню, как миссис Рид презрительно пресекала любые мои старания угодить ей. Остается только молить Бога, чтобы миссис Фэрфакс не оказалась второй миссис Рид. Но ведь я же не обязана оставаться у нее. В худшем случае можно снова дать объявление в газету. Сколько еще нам остается ехать, хотелось бы мне знать?»

Я опустила стекло и выглянула наружу. Милкот остался позади. Судя по количеству огней, это был город, с которым Лоутон не шел ни в какое сравнение. А мы, насколько я могла судить, ехали среди лугов. Однако по ним были разбросаны дома, и я решила, что здешние края во всем отличны от Ловуда — более населены, менее живописны, более полны жизни, менее романтичны.

Дорогу усеивали рытвины, вечер был туманным, и кучер пустил лошадь шагом, так что полтора часа превратились по меньшей мере в два. Наконец он обернулся ко мне и сказал:

— Вот он, Тернфилд-то.

Я снова выглянула в окошко. Мы проезжали мимо церкви: на фоне неба я разглядела ее невысокую массивную колокольню. Колокол как раз отбивал четверть часа. Узкое созвездие огней на склоне холма указывало, что там расположено небольшое селение. Минут через десять кучер слез с козел и открыл какие-то ворота, створки лягнули позади нас. Теперь мы медленно направлялись по подъездной дороге, которая привела нас к фасаду длинного дома, погруженного в полную темноту, если не считать огонька свечи за шторой в эркере. Экипаж остановился у подъезда. Горничная отворила дверь, я покинула экипаж и вошла.

— Сюда пожалуйте, сударыня, — сказала горничная, и я последовала за ней через квадратную переднюю с высокими дверями справа и слева, в комнату, где меня ослепил двойной блеск свечи и огня в камине. Когда же я вновь обрела способность видеть, мне открылась радующая взор картина.

Уютная комнатка, круглый столик у весело танцующего пламени, старомодное кресло с высокой спинкой, а в нем чудеснейшая миниатюрная старушка во вдовьем чепце, черном платье и белоснежном муслиновом переднике — именно такая, какой я представляла в своем воображении миссис Фэрфакс, только менее величественная и более ласковая по виду. Она вязала, у ее ног чинно восседала толстая кошка — короче говоря, более полное воплощение домашней безмятежности было бы трудно вообразить. Самый обнадеживающий прием, на какой только могла надеяться новая гувернантка. Ни подавляющего высокомерия, ни обескураживающей чопорности. Едва я вошла, как старушка встала и приветливо засемила мне навстречу.

— Здравствуйте, душенька. Боюсь, вы очень устали: Джон всегда ездит так медленно! Вы, должно быть, озябли. Идите-идите к огню.

— Миссис Фэрфакс, я полагаю? — сказала я.

— Да-да! Так садитесь же!

Она подвела меня к своему собственному креслу, сняла с меня шаль и начала развязывать ленты моей шляпки. Я умоляла ее не затрудняться.

— Какое же это затруднение? А у вас пальцы, конечно, совсем онемели от холода. Лия, сварика горячего негуса и сделай пару бутербродов. Вот ключи от кладовой.

Она извлекла из кармана внушительнейшую связку ключей и протянула ее горничной.

— А теперь придвиньтесь-ка к огню, — продолжала она. — Свой багаж вы, верно, привезли с собой, душенька?

— Да, сударыня.

— Пойду распоряжусь, чтобы его отнесли к вам в комнату! — И она хлопотливо засемила к двери.

«Она обходится со мной как с гостьей, — подумала я. — Такого радушного приема я никак не ждала. Думала, что встречу только холодность и сдержанность. Судя по тому, что мне доводилось слышать, с гувернантками редко так церемонятся. Однако не следует радоваться слишком рано».

Она вернулась, собственноручно убрала со стола вязанье и две-три книги, чтобы освободить место для подноса, который внесла Лия, и сама протянула мне стакан и тарелку с бутербродами. Я совершенно не привыкла к такому вниманию и совсем смутилась. Тем более что его мне оказывала дама, гораздо выше меня по положению, моя нанимательница. Однако раз она сама, казалось, не находила в таком поведении ничего необычного, я сочла за благо скрыть свое удивление.

— Буду ли я сегодня вечером иметь удовольствие познакомиться с мисс Фэрфакс? — спросила я, когда покончила с предложенным мне угощением.

— Что вы сказали, душенька? Я на ухо туговата, — сообщила старушка, приближая ухо к моим губам.

Я повторила вопрос, выговаривая слова более четко.

— Мисс Фэрфакс? А! Вы про мисс Варанс! Вашей будущей ученицы фамилия Варанс.

— Ах вот как! Значит, она не ваша дочь?

— Нет, у меня детей не было.

Мне следовало бы спросить, кем ей приходится мисс Варанс, но я подумала, что задавать слишком много вопросов — дурной тон, а к тому же я это скоро и сама узнаю.

— Я так рада... — продолжала она, садясь напротив меня и укладывая кошку на колени. — Я так рада, что вы приехали; куда приятнее будет жить здесь, раз будет с кем поговорить. Конечно, жить тут всегда приятно, потому что Тернфилд — чудесный старинный дом, хотя, пожалуй, в последние годы о нем недостаточно заботились. Но все-таки тут прекрасно. Только, понимаете, зимой и во дворце тоскливо, если ты одна! Да, одной... Лия — милая девушка, и Джон с женой люди очень приличные, но ведь они же только слуги, и разговаривать с ними как с ровней никак нельзя. Надо держать их на подобающем расстоянии, не то они потеряют всякое уважение. Прошлой зимой (может, вы помните, она была очень холодной, и если метель не мела, так дождь лил, и ветер завывал, точно в бурю) так в дом с ноября по февраль ни одна живая душа не заглядывала, если не считать мясника да почтальона, и, просяживая тут вечер за вечером одна-одинешенька, я совсем истосковалась. Иногда я звала Лию почитать мне, но, по-моему, бедной девочке это не очень нравилось, не по вкусу ей было. Весной и летом, конечно, дело другое: когда солнце светит, а темнеет поздно, чувствуешь себя совсем иначе. Ну а в начале этой осени приехала малютка Адель Варанс со своей няней — с ребенком-то дом сразу оживает. А теперь, когда и вы здесь, я уже не затоскую!

Слушая почтенную старушку, я проникалась к ней всевозрастающей симпатией и, придвинув кресло чуть ближе, высказала искреннюю надежду, что она найдет мое общество не менее приятным, чем предвкушает.

— Но сегодня я не должна задерживать вас допоздна, — сказала она. — Вот-вот полночь пробьет, а вы весь день провели в дороге и, конечно, устали до полусмерти. Если ноги у вас совсем отошли, я провожу вас в вашу спальню. Я велела вам приготовить комнату рядом с моей. Она небольшая, но я подумала, вам в ней будет удобнее, чем в какой-нибудь парадной. Конечно, мебель там побогаче, да только все они какие-то унылые, неуютные. Я сама ни в одной из них ни разу не ночевала.

Я поблагодарила ее за такой заботливый выбор, а так как действительно была утомлена длинной дорогой, то согласилась, что мне лучше поскорее лечь спать. Она взяла свечу, и я вышла из комнаты следом за ней. Сначала она пошла проверить, заперта ли входная дверь, и, вынув ключ из замка, повела меня вверх по лестнице. Ступеньки и перила были дубовыми, окна — высокими, с частым переплетом. И лестница, и длинная галерея, на которую выходили двери спален, казалось, были бы более уместны в соборе, чем в жилом доме. Воздух там был знобким, точно в склепе, и навевал грустные мысли о пустоте и одиночестве. Я почувствовала большое облегчение, когда, войдя в мою новую комнату, увидела, что она невелика и обставлена в обычном современном стиле.

Миссис Фэрфакс ласково пожелала мне доброй ночи, я заперла за ней дверь, неторопливо осмотрелась, и уютный веселый вид моей комнатки почти избавил меня от жути, навешанной широкой передней, темной грандиозной лестницей и длинной холодной галереей. И мне показалось, что после долгого дня телесного утомления и душевной тревоги я обрела наконец надежный приют. Мое сердце

преисполнилось благодарности, я опустилась на колени рядом с кроватью и излила эту благодарность в молитве, не забыв, прежде чем подняться с колен, попросить о помощи на моем новом пути и о силах, чтобы оказаться достойной той доброты, которая была мне оказана прежде, чем я ее заслужила. В эту ночь я спала на ложе без шипов, моя комнатка не таила никаких страхов. Одновременно и усталая, и довольная, я скоро погрузилась в крепкий сон, а когда проснулась, за окнами уже совсем рассвело.

Теперь, когда лучи солнца в комнату лились сквозь веселенькие голубые занавески, озаряя обои на стенах и ковер на полу, она показалась мне настолько не похожей на лодвудскую с ее голыми половицами и крашеной штукатуркой, что у меня взыграло сердце. В молодости все внешнее кажется таким важным! И я подумала, что для меня начинается жизнь, в которой будут не только шипы и вечный труд, но и цветы и удовольствия. Пробужденные переменой обстановки, новыми открывающимися мне надеждами, все мои чувства обрели особую силу. Не могу точно определить, чего именно я ожидала, но, бесспорно, чего-то радостного. Быть может, не в этот самый день и не в этом месяце, а где-то в неопределенном будущем.

Я встала и оделась с большим тщанием — очень просто, так как у меня не было ни единого платья сколько-нибудь нарядного покроя, — однако я всегда заботилась о том, чтобы выглядеть аккуратно. Не в моей натуре было пренебрегать внешностью, относиться равнодушно к тому, какое впечатление я произвожу. Напротив, мне всегда хотелось выглядеть как можно лучше и нравиться настолько, насколько позволяло отсутствие у меня и тени красоты. Иногда я сожалела, что лишена миловидности, иногда я мечтала о розовых щечках, прямом носике и вишневых губках бантиком. Мне хотелось быть высокой, статной, величественной. Я воспринимала как несчастье, что так мала

ростом, так бледна, а черты лица у меня такие неправильные и такие необычные. Но почему меня посещали эти мечты и эти сожаления? Трудно ответить. Я не могла объяснить причину даже самой себе. Однако причина была, причем логичная, естественная причина. Впрочем, когда я причесала волосы очень гладко, надела мое черное платье, которое при всей своей квакерской строгости по крайней мере хорошо на мне сидело, и поправила белоснежный воротничок, я подумала, что выгляжу достаточно пристойно, чтобы явиться на глаза миссис Фэрфакс, и что моя новая ученица, во всяком случае, не отшатнется от меня с брезгливостью. Открыв окно и удостоверившись, что на туалетном столике царит полный порядок, я решила покинуть свою комнату.

Пройдя по длинной, устланной ковром галерее, я спустилась по скользким дубовым ступенькам, но в передней ненадолго задержалась. Поглядела на портреты по стенам (один, помнится, изображал мрачного мужчину в кирасе, а другой — даму с напудренными волосами и жемчужным ожерельем), на подвешенную к потолку бронзовую люстру, на напольные часы, дубовый футляр которых, покрытый замысловатой резьбой, совсем почернел от времени и усердной полировки. Все казалось мне очень внушительным и величественным, но ведь я же понятия не имела о роскоши. Входная дверь, стеклянная в верхней половине, была открыта, и я вышла за порог. Было ясное осеннее утро, раннее солнце безмятежно лило лучи на побуревшие рощи и еще зеленые луга. Спустившись на лужайку, я обернулась и обзрела фасад дома. Он был трехэтажным, не чересчур огромным, хотя все-таки обширным — помещичий дом, а не замок вельможи. Крышу опоясывал зубчатый парапет, придавая живописный вид серому зданию. Оно отстояло довольно далеко от грачиной рощи, чьи каркающие обитатели как раз взвились в воздух, пролетели над лужайкой

и садом и опустились на широком лугу, отделенном от этих последних рвом с низкой изгородью, тянущейся по его дну. Строй могучих старых тернов, крепких, узловатых, толщиной не уступающих дубам, объяснял, откуда взялось название поместья. Дальше начинались холмы, не такие величавые, как вокруг Ловуда, но и не такие суровые, не встававшие непреодолимой стеной между домом и остальным миром. И все же, пустынные и безмолвные, они словно замыкали Тернфилд в уединении, чего я никак не ожидала найти в такой близости от суеты Милкота. На одном из склонов лепилась деревушка, крыши которой прятались за деревьями. Приходская церковь находилась ближе к Тернфилду. Верх ее старинной колокольни виднелся над пригорком между домом и воротами.

Я еще наслаждалась этим мирным пейзажем и живительной свежестью воздуха, еще с восторгом прислушивалась к шумному карканью грачей, еще озидала широкий, отмеченный печатью веков фасад дома и думала, что он слишком велик для такой одинокой старушки, как миссис Фэрфакс, когда она сама появилась в дверях.

— Как! Уже на ногах? — сказала она. — Вижу, вы ранняя пташка.

Я подошла к ней и получила ласковый поцелуй, сопровождавшийся сердечным рукопожатием.

— Как вам понравился Тернфилд? — осведомилась она, и я ответила, что очень.

— Да, — продолжала она, — красив-то он красив, но, боюсь, придет в полное запустение, если мистер Рочестер не решит поселиться тут постоянно или хотя бы приезжать сюда почаще. Такие поместья требуют присутствия владельца.

— Мистер Рочестер? — воскликнула я. — Кто он такой?

— Владелец Тернфилда, — ответила она невозмутимо. — А вы не знали, что его фамилия Рочестер?

Разумеется, не знала: я впервые услышала о нем только сейчас, однако старушка, видимо, полагала, что его существование — непреложный факт, о котором каждый должен быть инстинктивно осведомлен.

— Я думала, — сказала я, — что Тернфилд принадлежит вам.

— Мне? Господь с вами, деточка! Подумать только — мне! Я ведь всего лишь экономка, домоправительница. Да, я в дальнем родстве с Рочестерами по материнской линии, вернее не я, а мой муж. Он был приходским священником Хея — вон той деревеньки на холме — и служил в церкви, вон там, за воротами. Матушка нынешнего господина Рочестера была урожденная Фэрфакс и приходилась моему мужу троюродной сестрой. Но я даже и не упоминаю о моем с ними свойстве и никакого значения ему не придаю, а считаю себя просто экономкой: мой хозяин всегда со мной учтив, и мне ничего другого не нужно.

— А девочка? Моя ученица?

— Она воспитанница мистера Рочестера, и он поручил мне найти для нее гувернантку. Он хочет, чтобы она росла в ***шире, так мне кажется. А вот и она со своей «бонной», как она называет няню.

Тайна разъяснилась. Эта добродушная миниатюрная вдова была не светской дамой, а жила в доме на жалованье, как и я. От этого она не стала мне менее симпатичной, напротив, я обрадовалась. Равенство между ней и мною было подлинным, а не просто снисходительностью с ее стороны. Тем свободней я буду себя чувствовать.

Пока я обдумывала это открытие, на лужайку выбежала девочка в сопровождении няни. Я посмотрела на свою ученицу, которая сначала словно бы меня не заметила. Она была еще совсем ребенок, лет семи-восьми, худенькая, с бледным маленьким личиком и пышными кудрями, которые доставали ей до пояса.

— С добрым утром, мисс Адель, — сказала миссис Фэрфакс. — Подойдите поговорите с мисс, которая будет вас учить и поможет вам стать очень умной.

Девочка подошла.

— *C'est ça ma gouvernante?** — спросила она у своей няни, указывая на меня.

Та ответила:

— *Mais oui, certainement**.*

— Они иностранки? — в изумлении осведомилась я, улышав французскую речь.

— Няня — иностранка, а Адель родилась на континенте, и, если не ошибаюсь, увезли ее оттуда только полгода назад. Она, когда приехала, ни словечка по-английски не знала, а теперь уже немножко разговаривает, только я ее не понимаю: она столько французского добавляет. Но вас-то, конечно, это не затруднит.

К счастью, у меня было то преимущество, что французскому языку я училась у француженки: я всегда старалась разговаривать с мадам Пьеро как можно чаще, а кроме того, последние семь лет ежедневно выучивала наизусть какой-нибудь французский отрывок, старательно следя за своим выговором и прилежно подражая прононсу моей учительницы. Таким образом я приобрела определенную легкость в разговорном языке, и вряд ли мадемуазель Адель могла поставить меня в тупик. Едва поняв, что я ее гувернантка, она подошла, протянула мне руку, а я, когда повела ее завтракать, сказала ей несколько фраз по-французски. Сначала она отвечала коротко, но, когда мы сели за стол, она минут десять не спускала с меня больших карих глаз, а потом начала весело болтать.

---

* Это моя гувернантка? (*фр.*)

** Ну да, конечно (*фр.*).

— А! — воскликнула она по-французски. — Вы говорите на моем языке не хуже, чем мистер Рочестер. И я могу разговаривать с вами, как с ним. И Софи тоже. Она будет рада, а то тут ее никто не понимает. Мадам Фэрфакс знает только английский. Софи — моя няня, она приехала со мной на очень большом корабле с дымящей трубой — как она дымила! — и мне было нехорошо, и Софи тоже, и мистеру Рочестеру. Мистер Рочестер лежал на диване в красивой комнате, которая называлась «салон», а у нас с Софи были постельки в другом месте. Я чуть не упала с моей, она была похожа на раковину. И, мадемуазель... как вас зовут?

— Эйр. Джейн Эйр.

— Айр? Ба! Я этого не выговорю. Ну, так наш корабль остановился утром, когда еще светло не было, в большом городе — огромном городе с очень темными домами — они все в копоти. Он совсем не похож на красивый чистый город, откуда я приехала. И мистер Рочестер перенес меня на руках по доске на землю, а Софи шла за нами, и мы все сели в карету, и она привезла нас в красивый большой дом — больше, чем этот, и красивее! — и он назывался «гостиница». Мы там жили почти неделю, и мы с Софи каждый день гуляли среди зеленых-презеленых деревьев в месте, которое называется «парк». И там, кроме меня, было очень много других детей, а еще пруд с красивыми птицами, и я кормила их кусочками хлеба.

— И вы ее понимаете, когда она так тараторит? — спросила миссис Фэрфакс.

Понимала я ее прекрасно, потому что привыкла к быстрой речи мадам Пьеро.

— Мне бы хотелось, — продолжала старушка, — чтобы вы порасспрашивали ее о родителях. Помнит ли она их?

— Адель, — спросила я, — с кем ты жила в красивом чистом городе, про который говорила?

— Очень давно я жила с маман, только она улетела к Пресвятой Деве. Маман учила меня танцевать, петь и читать

стихи. Очень много господ и дам приезжали к маман, и я танцевала перед ними или сидела у них на коленях и пела. Мне это нравилось. Хотите послушать, как я пою?

Она уже доела завтрак, а потому я разрешила ей показать свои таланты. Соскочив со стула, она села ко мне на колени, потом чинно сложила ручки, встряхнула кудрями и, ведя глаза к потолку, запела арию из какой-то оперы. Это были жалобы покинутой героини, которая, оплакав вероломную измену возлюбленного, призывает на помощь свою гордость, приказывает прислужницам облачить ее в самый пышный наряд, надеть на нее лучшие ее драгоценности и решает встретиться с обманщиком вечером на балу и веселостью доказать ему, сколь мало его измена ее удручила.

Странная тема для малютки певицы! Видимо, слушатели находили особый смак в том, как шепелявый детский голосок щебечет о любви и ревности. Что свидетельствовало об очень дурном вкусе — во всяком случае, так подумала я.

Адель пропела арию достаточно мелодично и с наивностью своего возраста. Закончив, она спрыгнула с моих колен, говоря:

— А теперь, мадемуазель, я прочитаю вам стихи. — Встав в позу, она объявила: — «La Ligue des Rats», fable de La Fontaine*.

Затем она продекламирровала басню с большим выражением, соблюдая паузы, меняя интонацию и сопровождая чтение выразительными жестами. Все это было тоже необычно для ребенка и указывало, что учили ее с большим тщанием.

— Тебя этой басне научила маман? — спросила я.

— Да, и она всегда говорила вот так: «Qu'avez-vous donc? — lui dit un de ces rats. — Parlez!»** Она заставляла меня

---

* «Союз крыс», басня Лафонтена (*фр.*).

** «Что случилось? — спросила одна из крыс. — Говорите!» (*фр.*)

поднимать руку вот так, чтобы на вопросе я не забывала повышать тон. А теперь я потанцую для вас?

— Нет, пока достаточно. Но после того, как твоя татап, по твоим словам, улетела к Пресвятой Деве, у кого ты жила?

— У мадам Фредерик и ее мужа. Она обо мне заботилась, но мне она совсем не родная. По-моему, она бедная, потому что дом у нее не такой хороший, как у татап. Но я там недолго жила. Мистер Рочестер спросил меня, хочется ли мне поехать в Англию с ним и жить там у него, и я ответила «да», потому что знала мистера Рочестера давно, а мадам Фредерик совсем мало. И он всегда был очень добрым, дарил мне красивые платяца и игрушки. Только, понимаете, он не сдержал своего обещания. Привез меня в Англию. А сам уехал назад, и я его совсем не вижу.

После завтрака мы с Адель удалились в библиотеку — мистер Рочестер отвел ее для наших занятий. Почти все книги стояли за стеклянными дверцами запертых шкафов, но один шкаф был не заперт, и в нем хранилось все, что было нужно для занятий с ребенком, а еще там стояли беллетристические книги — стихи, биографии, путешествия, несколько романов и так далее. Наверное, он полагал, что гувернантке для собственного чтения ничего другого не требуется. Правду сказать, на первое время в сравнении с Ловудом, где книги были редкостью, мне предлагался весьма богатый выбор и для пополнения знаний, и для развлечения. Кроме того, в библиотеке стоял кабинетный рояль, совсем новый и безусловно настроенный, а еще — мольберт и два глобуса.

Моя ученица оказалась послушной, однако не очень старательной, так как не привыкла к каким бы то ни было обязательным занятиям. Я сочла, что будет неразумным сразу усадить ее за книги. Поэтому я много с ней разговаривала, заставила немножко позаниматься, а когда настал

полдень, позволила ей вернуться к няне, решив до обеда сделать несколько набросков для нее.

Когда я поднималась по лестнице за альбомом и карандашами, меня окликнула миссис Фэрфакс.

— Вижу, вы закончили утренние уроки? — донесся ее голос из открытой двустворчатой двери.

Я направилась туда и очутилась в комнате благородных пропорций, с сиреневыми креслами и сиреневыми занавесями, турецким ковром, панелями орехового дерева на стенах, одним огромным окном с цветными стеклами и высоким лепным потолком. Миссис Фэрфакс стирала пыль с ваз из лилового камня, которые стояли на столыке у стены.

— Какая чудесная комната! — воскликнула я, оглядываясь по сторонам, так как никогда еще не видела ничего и вполвину столь великолепного.

— Да. Это столовая. Я как раз открыла окно, чтобы впустить немножко воздуха и солнечного света. Ведь в нежилых комнатах скоро заводится сырость. Гостиная вон там уже немножко смахивает на склеп.

Она указала на широкую арку, точно повторявшую форму окна, с портьерой того же темно-синего цвета, что и гардины. Портьера была откинута, и, поднявшись по двум ступенькам, я, как мне почудилось, увидела волшебный чертог, столь непривычным для моих неискушенных глаз было открывшееся мне зрелище. На самом же деле это была всего лишь прелестная гостиная, к которой примыкал будуар. И там, и там пол устилался белым ковром, на котором, казалось, лежали яркие цветочные гирлянды; и там, и там потолок обрамляли белоснежные лепные виноградные гроздья и листья, а внизу, контрастируя с ними, стояли малиновые кушетки и оттоманки; каминную полку белейшего паросского мрамора украшали сверкающие рубиновые изделия из богемского хрусталя, и высокие зеркала

в простенках между окнами отражали это сочетание снега и огня.

— В каком образцовом порядке вы содержите эти комнаты! — воскликнула я. — Ни пылинки, ни холщовых чехлов. Если бы не холодок в воздухе, можно было бы подумать, что ими пользуются ежедневно.

— Так как же, мисс Эйр! Хоть мистер Рочестер и редко сюда наезжает, но всегда без предупреждения, совсем неожиданно. А я заметила, что ему не нравится, когда все укутано, и чуть он войдет в дом, как начинается суматоха. Вот я и подумала, что лучше держать комнаты наготове.

— Мистер Рочестер придирчив и взыскателен?

— Да нет, не очень. Но у него вкусы и привычки джентльмена, и он хочет, чтобы дом содержался как подобает.

— Он вам нравится? И другим тоже?

— О да! Рочестеров тут издавна уважают. Почти вся земля, которую вы отсюда видите, принадлежит им с незапамятных времен.

— Но если не касаться его земель, сам он вам нравится? То есть как человека его здесь любят?

— Ну, мне он не может не нравиться, и, по-моему, фермеры, которые арендуют у него землю, считают его справедливым и щедрым, но они его редко видят.

— А особенности у него есть? Короче говоря, какой у него характер?

— А! Характер у него, думается, безупречный. Пожалуй, кое-какие странности ему свойственны. Он много путешествовал, повидал мир. Полагаю, он очень умен, но я-то с ним почти никогда не разговариваю.

— А в чем он странен?

— Не знаю. Так просто словами не опишешь, ничего особенно заметного, но чувствуешь это, когда говоришь с ним. Не всегда поймешь, шутит он или серьезен, доволен он или наоборот. Короче говоря, его трудно понимать,

во всяком случае мне. Только это неважно, хозяин очень хороший.

Вот и все, что я узнала от миссис Фэрфакс о ее и моем патроне. Есть люди, словно бы не способные набросать характер или уловить и описать самое важное в других людях или предметах. Добрая старушка, видимо, принадлежала к этой категории. Мои вопросы вызывали у нее недоумение, а не подталкивали на откровенность. В ее глазах мистер Рочестер был мистером Рочестером, джентльменом, землевладельцем — и только. Узнавать и выяснять что-либо сверх этого она не пыталась, и, видимо, ее удивило мое желание получить более точное представление о нем.

Когда мы покинули столовую, миссис Фэрфакс предложила показать мне дом, и следом за ней я поднималась и спускалась по лестницам, то и дело восхищаясь, так как все было отлично устроено и выглядело великолепно. Особенно роскошными мне показались парадные апартаменты, а некоторые комнаты на третьем этаже, хотя и темные и с низкими потолками, вызывали интерес царившим в них духом старины. В нижних комнатах время от времени мебель по велению моды заменялась, и прежнюю водворяли сюда. В смутном свете, пробивавшемся сквозь узкие окна с частым переплетом, виднелись кровати вековой давности, дубовые и ореховые комоды, походившие на Ковчег Завета из-за странной покрывавшей их резьбы — пальмовых ветвей и херувимов; ряды старинных стульев с узкими сиденьями и высокими спинками, еще более древние табуреты, мягкий верх которых еще хранил следы вышивки, творения пальцев, давным-давно истлевших под гробовой доской. Все эти реликвии превращали третий этаж Тернфилд-Холла в хранилище былого, в святилище памяти. Глубокая тишина, сумрак, удаленность этих приютов прошлого очень понравились мне при свете дня. Но у меня не возникло ни малейшего желания провести ночь на одной из этих

широких, массивных кроватей, отгороженных от окружающего мира дубовыми дверцами или затененных старинными английскими пологими с выпуклой вышивкой, изображающей странные цветы, и еще более странных птиц, и уж совсем странные человеческие фигуры. Так какими же странными показались бы все они в бледном лунном свете!

— В этих комнатах спят слуги? — спросила я.

— Нет. Им отведены небольшие комнаты в задней части дома. Тут никто никогда не ночует. Так и кажется, водись в Тернфилд-Холле привидения, они бродили бы тут.

— Да, пожалуй. Но, значит, привидений у вас нет?

— Во всяком случае я о них никогда не слышала, — ответила миссис Фэрфакс с улыбкой.

— И никаких упоминаний о них — никаких легенд или жутких историй?

— По-моему, нет. Хотя говорят, что Рочестеры в свое время не отличались кротостью и миролюбием, а прямо наоборот. Возможно, потому они теперь и почивают спокойно в своих могилах.

— Да. «От лихорадки жизни отсыпаясь», — произнесла я вполголоса слова Макбета. — А куда вы теперь меня поведете, миссис Фэрфакс? — спросила я затем, так как она свернула в боковой коридор.

— На крышу. Хотите полюбоваться видом оттуда? — сказала она, уже направляясь к узкой лестнице.

Следом за ней я поднялась на чердак, а затем по приставной лестнице и через люк мы выбрались на плоскую крышу. Теперь я оказалась на уровне колонии грачей и могла бы заглянуть в их гнезда. Перегнувшись через парапет, я разглядывала окрестности, раскинувшиеся далеко внизу, точно географическая карта. Ярко-зеленый бархат лужайки, охватывающей серое подножие дома, луг, обширностью не уступающий парку, кое-где усеянный купами старых деревьев; лес, серо-бурых, разделенный пополам

подъездной дорогой, совсем заросшей, зеленеющей мхами — куда более зеленой, чем древесная листва; церковь по ту сторону ворот, проезжая дорога, безмятежные холмы, дремлющие под осенним солнцем; горизонт, ограниченный благостным небосводом, лазурным с вкраплениями перламутровой белизны. Ничто не ошеломяло воображения, но все радовало глаз. Когда я повернулась и пошла к люку, то лишь с большим трудом сумела увидеть приставную лестницу. Чердак казался темным, точно склеп, после голубого свода, на который я только что смотрела, и залитого солнцем пейзажа — леса, пастбища и зеленых холмов, которые я обозревала с таким восторгом с крыши дома в самом их центре.

Миссис Фэрфакс задержалась, закрывая крышку люка, а я ощупью нашла выход с чердака и начала спускаться по узкой лестнице. Затем немного постояла у начала длинного коридора, разделявшего комнаты третьего этажа, — узкого, низкого и полутемного, лишь с одним оконцем в дальнем конце. Два ряда черных, плотно закрытых дверей придавали ему сходство с потайным ходом в замке Синей Бороды.

Я бесшумно пошла по нему, и вдруг мой слух поразили звуки, какие я меньше всего ожидала услышать здесь, — чей-то смех. Это был странный смех, дробный, вымученный, невеселый. Я остановилась. Звуки оборвались. Но лишь на мгновение. Потом раздались снова и громче. В первый раз смех, хотя и четкий, был очень тихим. Теперь он завершился бурным раскатом, который, казалось, отозвался эхом в каждой запертой комнате, хотя вырвался лишь из одной, и я могла бы указать из какой.

— Миссис Фэрфакс! — позвала я, услышав, что она спускается по лестнице. — Вы слышали громкий смех? Кто это мог быть?

— Кто-нибудь из прислуги, — ответила она. — Возможно, Грейс Пул.

— Но вы его слышали? — снова спросила я.

— Да, очень ясно. Я ее часто слышу: она шьет в одной из этих комнат. Иногда к ней заходит Лия, и вместе они, бывает, очень шумят.

Вновь зазвучал смех — на этот раз тихо, отрывисто и завершился странным бормотанием.

— Грейс! — воскликнула миссис Фэрфакс.

Я не ждала, что на этот зов откликнется какая-нибудь Грейс. Такого трагичного, такого потустороннего смеха я еще никогда не слышала, и лишь то, что день был в разгаре, и эти странные «ха-ха-ха!» не сопровождались никакими сверхъестественными проявлениями, а ни обстановка, ни час не пробуждали страха, помешало мне проникнуться суеверным ужасом. Впрочем, тут же выяснилось, что моя фантазия сыграла со мной глупую шутку.

Ближайшая ко мне дверь отворилась, и оттуда вышла женщина лет тридцати-сорока, плотная, широкоплечая, рыжая, с суровым простым лицом — менее романтическую или менее призрачную фигуру трудно было вообразить.

— Слишком много шума, Грейс, — сказала миссис Фэрфакс. — Не забывайте, какие вам даны распоряжения.

Грейс молча сделала книксен и затворила дверь.

— Она взята в дом швеей и помогает Лии с уборкой, — продолжала миссис Фэрфакс. — Нельзя сказать, чтобы она была безупречна во всем, но со своими обязанностями справляется. Да, кстати, как вы утром позанимались со своей новой ученицей?

Разговор перешел на Адель и продолжался, пока мы не добрались до залитого солнечным светом безмятежного нижнего этажа. Навстречу нам выбежала Адель, восклицая:

— Mesdames, vous êtes servies! — И добавила: — J'ai bien faim, moi!*

---

* Сударыни, кушать подано!.. Я уже очень проголодалась! (*фр.*)

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

